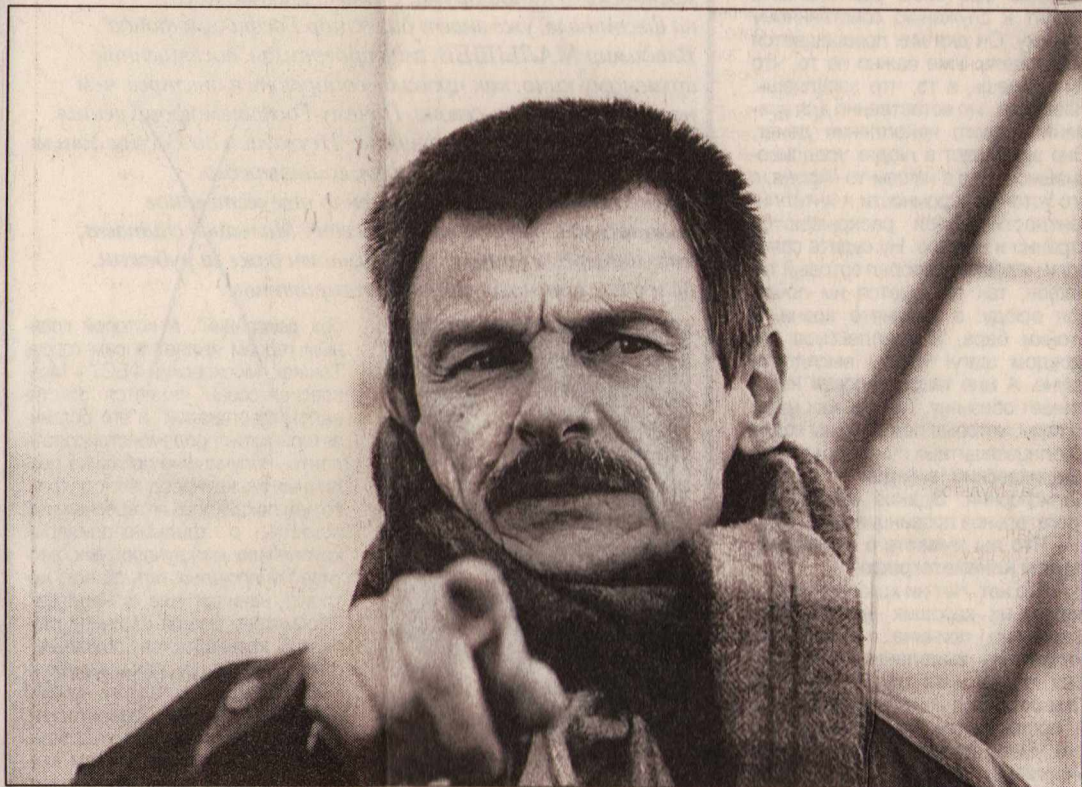

Тарковский *Кудьтура. — 2000. — 28 сент. — 40 кт. — С. 7* ДВОИТСЯ В ГЛАЗАХ Москвы и Парижа

Премьера “Одного дня Андрея Арсеньевича” К.Маркера

А.Тарковский

Открытие сезона в Музее кино премьерой “Одного дня Андрея Арсеньевича”, смонтированного знаменитым французом Крисом Маркером, должно было вроде попасть в десятку. Фильм новый, но одновременно “музейный” — по именам как создателя, так и главного героя. Увы, впечатление от просмотра осталось довольно двойственное.

В год смерти Тарковского Маркер снял несколько дней его жизни — финал съемок “Жертвоприношения”, прибытие в Париж сына и тещи, которые долго были невыезжими, просмотр кассеты “Жертвоприношения” уже совсем больным режиссером. Еще снято, как Ростропович играл на похоронах, и все это прокомментировано “подругой дома” Мариной Влади.

Просто рассматривать сделанные любительской видеокамерой кадры живых реакций в семейной обстановке, касающиеся людей известных и значительных, — само по себе ценный контрапункт к восприятию их работ. Вот жена Лариса Павловна несколько аффектировано, специально “на камеру” провожает гостей. Вот сам Андрей Арсеньевич в пиратской косынке на голове, скрывающей, видно, следы химиотерапии, пытается сосредоточиться после просмотра, но ему

это уже трудно. А вот он еще не знает своего диагноза и, кокетливо соревнуясь со Свенном Нюквистом в постановке кадра финальной погоны за Эрландом Йозефсоном, вдруг велит: “Все, пошли есть. Есть пошли”. Глядя на все это, можно в зависимости от контекста личного отношения к Тарковскому думать о том, что он хотел быть счастливым и был им, как бы ни отрицал само понятие счастья. Или можно поразмышлять об отсутствии “главного” и “неглавного” перед лицом умирания. Тогда снятая ненавешенным, качающимся видео беззащитная поза лежащего больного значит ничуть не меньше, чем безупречный огромный тревеллинг в “Жертвоприношении” на знаменитом пожаре. Так или иначе, есть почва для контакта с увиденным и дальнейшего философствования.

Однако все эти съемки занимают около десяти минут, а “Один день Андрея Арсеньевича” длится пятьдесят. Все остальное время Маркер монтировал фильмы Тарковского и строил концепцию его творчества. Тут-то и обнаружилось, что дальше пропаганды дело не идет. Идея благая — пропаганда на Западе жизни и творчества нашего соотечественника. Вероятно, тут, на Востоке, показывать это не стоило.

Слишком очевидны “три кита”, на которых стоит концепция: очень поверхностный, “модный” антисоветизм, уверенность в приоритете духовных ценностей и неделимость пафоса фильмов и собственной жизни режиссера. Но, как теперь понятно, все бесконечные поправки и запреты — дело не только Госкино, но и того же Голливуда. Это проблема не советской власти, а силы духа. Да и обличение мира Маркером откуда-то с “духовных высот”, где живут “властители умов”, в эпоху мультикультуризма и плюрализма жизни тоже не впечатляет. Правда, может быть, идиосинкразия на любую идеологию нигде сейчас так не сильна, как у нас.

К сожалению, за счет явно пропагандистского характера фильма даже кадры из “Зеркала”, “Сталкера” и “Соляриса” теряют самостоятельность, и ценность их в ходе просмотра “Одного дня Андрея Арсеньевича” начинает ставиться под сомнение. Это очень опасный, пугающий результат, хотя, конечно, понятно, что за премьеру французского классика, так пристально занятого русским кинематографом, принято говорить “спасибо”.

Екатерина ТАРХАНОВА